

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет

Сердце трепещет отрадно и больно..
Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

Зимой 1820 года состоятельный русский дворянин, ротмистр в отставке, Афанасий Неофитович Шеншин отдыхал и поправлял свое здоровье на водах в Германии, в городке Дармштадт, где он страстно влюбился в дочь обер-кригскомиссара 1 Карла Беккера – двадцатидвухлетнюю Каролину Шарлотту, бывшую замужем за мелким чиновником Иоганном Фётом. Через несколько месяцев та бросила мужа и бежала с Шеншиным в Россию. Родившийся в ноябре того же года младенец был записан в метриках как сын Шеншина и до четырнадцати лет считался таковым. Однако в 1834 году орловские губернские власти стали наводить справки о рождении мальчика. Брак, законный в Германии, был признан незаконным в России. Шеншин, опасаясь, чтобы юный Афанасий не попал в незаконнорожденные, поспешил увезти ребенка в лифляндский городок Верро 1, где стал хлопотать о признании мальчика «сыном умершего асессора Фёта». Согласие было получено, но благополучный исход предприятия стал источником дальнейших жизненных несчастий будущего поэта: из русского столбового дворянина Шеншина он превратился в иностранца Фета, утратив право наследовать родовое имя.

До 14 лет Афанасий Шеншин (Фет) жил и учился дома. С 1834 года – в Верро. В 1838-м он поступил в московский пансион профессора М. П. Погодина, а в августе того же года был принят в Московский Университет на словесное отделение филологического факультета. Студенческие годы Фет прожил в доме своего друга и однокурсника Аполлона Григорьева, впоследствии известного критика и поэта-романтика. Эта дружба способствовала формированию у двух студентов общих идеалов и единого взгляда на искусство.

Фет начал писать стихи и уже в 1840 году издал за свой счет собрание стихотворных опытов под названием «Лирический Пантеон». Он стал постоянным автором журнала «Отечественные записки». В 1843 году В. Белинский писал, что «из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет». Кстати, когда в «Отечественных записках» вышло первое стихотворение Фета, в типографии букву «ё» в фамилии автора заменили на «е». Шеншин не стал возражать против поправки: так его немецкая фамилия превратилась в псевдоним.

Бальмонт писал в начале двадцатых, прошлого века: «...говоря о наших поэтах, наиболее сильных, почти неизменно сопоставляли два имени – Пушкин и Лермонтов. За последние лет двадцать пять к двум этим славным именам, в сопоставлении, присоединились, как равноправные, два благородные имени – имена, не менее лучезарные, чем те прежние звезды – Тютчев и Фет. Пушкин – заря наша, Лермонтов – комета, Тютчев – звездная ночь, Фет – любовный сад, звонкая от птичьих песен роща... Они, как восток и запад, как север и юг, – четыре угла нашего поэтического Эдема».

В 1845 «иностранец Афанасий Фёт», желая стать русским потомственным дворянином, поступил унтер-офицером в кирасирский Военного ордена полк, расквартированный в Херсонской губернии. Оторванный от столичной жизни, он почти перестал печататься. В херсонские годы произошло событие, предопределившее личную жизнь Фета: погибла его возлюбленная. Мария Лазич была бесприданницей, и Фет по своей бедности не решился на ней жениться. Вскоре после их окончательного разрыва произошел несчастный случай: от свечи загорелась платье Марии, она выбежала в сад, но не смогла потушить одежду и задохнулась в дыму. Сознание косвенной вины и тяжести утраты тяготило Фета на протяжении всей жизни. Долго в его стихах будут слышаться отзвуки этой трагедии:

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, –
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

В 1853 году Фету удалось перейти в Уланский Его Величества лейб-гвардии полк, расквартированный под Петербургом. Он получил возможность бывать в столице, возобновил литературную деятельность, начал регулярно печататься в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения».

Успех вышедшей в 1850 году в Москве книги «Стихотворения А. А. Фета» открыл ему в Петербурге доступ в кружок «Современника», где он встретился с И. С. Тургеневым и В. П. Боткиным. Позднее Фет познакомился у Тургенева с Л. Н. Толстым, вернувшимся из Севастополя. Кружок «Современника» общими усилиями выбрал, отредактировал и напечатал новое собрание «Стихотворений А. А. Фета», а в 1863 году оно было переиздано в двух томах.

В Крымскую войну Фет служил в войсках, охранявших Эстляндское побережье. В 1858 году он вышел в отставку в звании штабс-ротмистра. Потомственного дворянства он так и не добился: его чин соответствовал майору, а по новому императорскому указу потомственное дворянство давалось лишь дослужившимся до полковника.

В 1857 году, женившись на Марье Петровне Боткиной сестре знаменитого русского врача С. П. Боткина, Афанасий Фет решил посвятить себя сельской жизни. Купив «на приданные деньги» в Мценском уезде хутор Степановку с двумя сотнями десятин земли и энергично занявшись хозяйством, он постоянно там жил и лишь зимой ненадолго наезжал в Москву. Фет оказался превосходным помещиком, дела шли очень хорошо, в конце семидесятых годов за сто с лишним тысяч рублей он приобрел имение Воробьевку в Щигровском уезде, Курской губернии. Под конец жизни состояние Фета дошло до той степени, что его можно было назвать богатым человеком.

В середине девятнадцатого века в поэзии почти безраздельно господствовал Некрасов и его последователи. По их представлению, стихи непременно должны быть злободневными, выполняющими важную идеологическую задачу. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» – провозглашали они. Пушкин же, в свое время считавший, что поэзия ценится прежде всего за свою красоту, осуждался. Хотя Фет много общался с Некрасовым и дружил со многими писателями круга «Современника», ему была близка именно пушкинская оценка поэзии. Фет выразился даже более решительно: «Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо кроме красоты». Истинную, непреходящую красоту он находил в природе, в любви и в собственно искусстве (музыке, живописи, скульптуре). В своей поэзии он стремился, в противоположность поэтам-демократам, как можно дальше уйти от действительности, погрузиться в созерцание вечной красоты, не причастной суете, тревожениям и горечи повседневности.

Поэтому его и отличало равнодушие к серьезным политическим вопросам тогдашнего времени. Придерживаясь крайне консервативных взглядов, Фет резко отрицательно воспринял отмену крепостного права и с 1862 начал регулярно печатать в «Русском вестнике» очерки, обличавшие пореформенные порядки на селе с позиции помещика-землевладельца. Тургенев назвал его «закоренелым и остервенелым крепостником и поручиком старинного закала». В их переписке появлялось все больше и больше резкостей. Противоположность политических убеждений в конце концов привела к болезненному для обоих разрыву. Лишь к концу 1870-х годов Тургенев возобновил переписку с Фетом: «Старость, приближая нас к окончательному упрощению, упрощает все жизненные отношения; охотно пожимаю протянутую вами руку...»

В 1873 году за Фетом наконец-то была утверждена фамилия Шеншин со всеми связанными с нею правами. К своему узаконению он относился с болезненным самолюбием, вызывавшим насмешку того же Тургенева. В письме от 1874 года тот писал: «Как Фет, вы имели имя; как Шеншин, вы имеете только фамилию».

В литературу Фет вернулся лишь в 1880-х годах, разбогатев и купив особняк в Москве. После долгого перерыва он снова пишет стихи. Лучшим его стихотворениям всегда был присущ лаконизм и некоторая абстрактность. «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет», – так прямо декларирует Фет свою установку на

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
иррациональность содержания. Чуть позднее этот принцип станет поэтическим кредо символистов. «Мечты и сны» – вот, по Фету, основной источник его вдохновений: Он говорит о своих стихах:

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки – бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.

В 1881-м Фет осуществляет свою заветную мечту – заканчивает и издает первый русский перевод главного труда своего любимого философа Шопенгауэра – «Мир как воля и представление», и осуществляет перевод «Фауста» Гёте. В 1883 году издается его стихотворный перевод всех сочинений Горация – труд, начатый еще на студенческой скамье. В 1886 году Фету за переводы античных классиков присвоено звание члена-корреспондента Академии наук.

Поэтическая память Фета не знала границ, что позволяло ему и на склоне лет писать стихотворения о первой любви, как будто бы он еще находился под впечатлением от недавнего свидания. Чаще всего Фет рисовал в своих стихах начало любви, самые романтические, просветленные и трепетные моменты: долгие взгляды, первые соприкосновения рук, первую прогулку вечером в саду, восторженное созерцание красоты природы, рождающее духовную близость:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листья
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу...

Скончался Афанасий Шеншин 21 ноября 1892 года в Москве, не дожив двух дней до семидесяти двух лет. К концу жизни его одолевали старческие недуги: резко ухудшилось зрение, терзала «грудная болезнь», сопровождавшаяся приступами удушья и мучительными болями. За полчаса до смерти Фет настойчиво пожелал выпить шампанского, жена побоялась подать его и была отправлена к врачу за разрешением. Оставшись наедине со своей секретаршей, Фет продиктовал ей необычную записку: «Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному» и собственноручно подписал: «21-го ноября Фет (Шеншин)». Затем он схватил стальной стилет и приставил к груди, но секретарша вырвала его, поранив себе руку. Тогда Фет якобы побежал через несколько комнат в столовую к буфету за другим ножом и вдруг, часто задышав, упал на стул. Через пять минут он был уже мертв. Формально самоубийство не состоялось, но по характеру всего происшедшего – это было именно самоубийство. Всю жизнь преодолевавший превратности судьбы, поэт ушел из жизни, когда счел это нужным.

Незадолго до смерти Афанасий Афанасьевич записал в дневнике: «Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет».

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова неволью,
Как и бывало, пред вами, поэты.
В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду проводит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.
Наталья Фомина
Тебе в молчании я протираю руку...

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную мглу.

1844

«Когда мечты мои за гранью прошлых дней...»
Когда мечты мои за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.
Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,
По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.

1844

«Когда мечтательно я предан тишине...»
Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,
И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;
И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаюсь,
Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, –
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»
Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.
Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет – и убежит в объятия валов.
Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь царица чувств, властительница дум...
А там придет волна – и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

1847, 1855

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...»
Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни –
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладки пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет – хорошо, что никто не видал, как
взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно вещи учить его понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие – не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай нам бог вечно любить!
1847

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»
Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желанья твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен... он – ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, – ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество – сирена под водою.
Июль 1847

«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»
Ее не знает свет, – она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!
1847

«Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...»
Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображение.
В сиянии полночи безмолвен сон Кремля.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.
1847

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»
Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, –
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.
1847

«Тебе в молчании я простираю руку...»
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.
Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.
Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.
И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
1847

«Не говори, мой друг: «Она меня забудет...»
Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемогущего полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут – и в зеркало украдкой
Невольно станет взор с вопросом забегать, –
Опять весна в груди – и счастье опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевавших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто неведима,
Проклятьем вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, –
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.
1854

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..»
Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Ведь снова не пойму я ни одной страницы –
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.
За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?
1854

«Под небом Франции, среди столицы света...»
Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбью мечта его полна.
Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.
О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!
1856

Смерти
Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участия
Искать страдалец обречен, –
Не верь, суровый ангел бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.
Придет пора – пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.
Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, созная, носит
Твое могучее зерно,
Кто дышит с равным напряженьем, –
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857
«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...»
Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь – опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь – и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злему вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силась, шалун, обратись.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкою тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной головки;
Толстою прядью скользая, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!

Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

1857

Одинокий дуб

Смотри, – синяя друг за другом,

Каким широким полукругом

Уходят правнуки твои!

Зачем же тенью благотворной

Всё кружишь ты, старик упорный,

По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданьям,

Когда жестоким испытаньям

Придет медлительный конец?

Иль вечно понапрасну годы

Рукой суровой непогоды

Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою

Ты полон силой молодою.

Так старый витязь, сверстник твой,

Не остывал душой с годами

Под иззубренною мечами,

Давно заржавленной броней.

Всё дальше, дальше с каждым годом

Вокруг тебя незримым ходом

Ползет простор твоих корней,

И, в их кривые промежутки

Гнездясь, с пригорка незабудки

Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,

Весенний ветер несет в дубровы

Твои поблеклые листья,

С ним вести на простор широкий,

Что жив их пращур одинокий,

Ко внукам посылаешь ты.

1856

Италия

Италия, ты сердцу солгала!

Как долго я в душе тебя лелеял, –

Но не такой душа тебя нашла,

И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой

Не мог, опять воскреснувши, не вырасть;

Сын севера, люблю я шум лесной

И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор

И нищету увидя, содрогаюсь;

Но иногда, суровый приговор

Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин

Нередко жар я чувствую мгновенный

И слушаю – и кажется, один

Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса

Неведомой мне в душу веют силой,

И я люблю, увядшая краса,

Твой долгий взор, надменный и унылый.

И ящериц, мелькающих кругом,

И негу их на нестерпимом зное,

И страстного кумира под плющом

Раскидистым увечье вековое.

между 1856 и 1858

На развалинах цезарских палат

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,

Над сводами глухих и темных галерей

В груди моей сильней живое сердце бьется,

И в жилах кровь бежит быстрее.

Пускай вокруг меня, тяжелые громады,

Из праха восстают и храмы, и дворцы,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,
И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат золотая колесница
К холму заветному спешит.
Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: «Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный и ничтожный
Ты здесь у ног моих приник!
Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.
Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.
Законность измерял ты силою великой –
Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.
И вот растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой камня не почитит.

Между 1856 и 1858

«Пойду навстречу к ним знакомую тропую...»
Пойду навстречу к ним знакомую тропую.
Какую нежную, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какую молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

1859

Старые письма
Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.
Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.
Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.
А я доверился предательскому звуку –
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! –
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.
Зачем же с прежнею улыбкой умиленья

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоеет этих строк и жгучая слеза.
1859

«О нет, не стану звать утраченную радость...»
О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.
Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветер мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.
Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,
Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.
Быть может – вечно вдаль с надеждой смотрят очи! –
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещей муз.
Там наконец я всё, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.
1857

«Окна в решетках, и сумрачны лица...»
Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, –
Юности пир ликовал здесь когда-то.
Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?
Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.
1882

«Не первый год у этих мест...»
Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Всё тот же золоченый крест.
Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне – мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листы.
Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смирненно празднует душа.
1864

«Томительно-призывно и напрасно...»
Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.
Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонушей ногой.
Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

< 1871 >

«Ты отстрадала, я еще страдаю...»
Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.
А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. –
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!
Очей тех нет – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

< 4 ноября 1878 >

ALTER EGO

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моею,
И была ли при этом победа, и чья, –
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?
Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.
Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.
У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

< январь 1878 >

«О, этот сельский день и блеск его красивый...»

О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.
Лелеяла б душа в успокоеньи томном
Неведомую даль,
Но так нескромно всё в уединеньи скромном,
Что стыдно мне и жаль.
Пойдем ли по полю – мы чуждые тревоги,
И радует ходьба,
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие всё хлеба.
Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где всё стоит в пыли,
По солнцу движемся – гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.
Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
Мигают, не стыдась.

1884

«Страницы милые опять персты раскрыли...»
Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.
О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых –

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.
Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!

29 мая 1884

«Еще одно забывчивое слово...»
Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздых –
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.
Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

1884

Теперь
Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!
И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил – и ты за мной уйдешь.
Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной поведем жизнью оба,
И ты и я – мы встретимся – теперь!

1883

«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...»
Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всём, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

1884

«Прости – и всё забудь в безоблачный ты час...»
Прости – и всё забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.
Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, –
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»
Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.
Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

«Светил нам день, будя огонь в крови...»
Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Как мог, слепец, я не видеть тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится,
И, разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врознь стоять у двери гроба.

9 июня 1887

«Когда читала ты мучительные строки...»
Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, –
Не вспомнила ль о чем?
Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря
И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, –
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

«В полуночной тиши бессонницы моей...»
В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.
И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.
Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ишу пред ними я:
Они – развенчанные боги.
Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.
И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот презренной молитвы.
Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их всё еще дымится.

3 января 1888

«Прости! во мгле воспоминанья...»
Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, –
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.
Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.
Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твоё тепло?
Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

«Руку бы снова твою мне хотелось пожать!..»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.
В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелось устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

14 августа 1888

Угасшим звездам

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуют, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?
Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, –
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вдоха!

6 мая 1890

Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова неволью,
Как и бывало, пред вами, поэты.
В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.
Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.
С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

«Хоть счастье судьбой даровано не мне...»
Хоть счастье судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.
Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь негодования?
Участья не прошу – могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.

16 июня 1890

«Еще люблю, еще томлюсь...»

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.
Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.
Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

«Не упрекай, что я смущаюсь...»

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.
Те грезы – жизнь их осудила –
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.
Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.
3 февраля 1891

«Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...»
Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
О беззаветности надежды говоришь, –
Нет, чтобы счастью нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.
Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про всё, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.
19 февраля 1891

«О, как волнуюсь я мыслию больною...»
О, как волнуюсь я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.
Внизу померкший сад уснул, – лишь тополь дальний
Всё грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.
И верить хочется, что всё, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.
12 августа 1891

Восточный мотив
С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.
1882

«Не здесь ли ты легкою тенью...»
Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...
1842

«Как ангел неба безмятежный...»
Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолишь душою нежной
И за себя и за меня.
Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.
1843

«Уж верба вся пушистая...»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.
Везде разнообразную
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.

1844

«Еще весна, – как будто неземной...»
Еще весна, – как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, – медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.
Еще аллея не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синееет,
А я иду – душистый холод веет
В лицо – иду – и соловьи поют.
Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.
Придет пора – и скоро, может быть, –
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

1847

«На заре ты ее не буди...»
На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.
И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.
А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.
И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.
Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

1842

«Еще весны душистой нега...»
Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.
Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.
1854

Пчелы
Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.
Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.
Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.
1854

Весенние мысли
Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгаящим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.
Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.
Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?
1848

Весна на дворе
Как дышит грудь свежо и емко –
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!
В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь –
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»
1855

Первый ландыш
О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!
Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
Так дева в первый раз вздыхает –
О чем – неясно ей самой, –
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.
1854

«Опять незримые усилья...»
Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.
Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.
А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

1859

Еще майская ночь
Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!
Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.
Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.
Нет, никогда нежней и бестелестней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.

1857

Весенний дождь
Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.
А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.
Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857

«Глубь небес опять ясна...»
Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.
Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, –
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.
Но крылами вешних птиц
Он свеваает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

22 марта 1879

«Еще, еще! Ах, сердце слышит...»
Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

И всё, что движется и дышит,
Задышит новою весной.
Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
Сегодня первый гром прорвал.
1882

«Когда вослед весенних бурь...»
Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой,
Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в ее огнях!
О, как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных –
И рад я, что не может быть
Ничто вольней и легче их.
1865

«Всю ночь гремел овраг соседний...»
Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.
Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,
Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, –
А подо мной весенней дрожью,
Ходила гулкая земля.
Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?
1872

«Пришла, – и тает всё вокруг...»
Пришла, – и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилось сжиматься.
Заговорило, зацвело
Всё, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.
Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.
Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Всё, что ковало, – миновало.
Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.
20 мая 1866

«Я рад, когда с земного лона...»
Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсуц,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.
И рядом, куст родной смущая,
И силась и боясь летать,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Семья пичужек молодая
Зовёт заботливую мать.
Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.
Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.
12 декабря 1879

Майская ночь
Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.
Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. –
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.
А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно – как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой –
И в вечность улетим!
1870

«Я ждал. Невестю-царицей...»
Я ждал. Невестю-царицей
Опять на землю ты сошла,
И утро блещет багрянницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.
Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.
1860

«С гнезд замахали крикливые цапли...»
С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.
С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?
1883

«Сад весь в цвету...»
Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.
Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты – благодатная тайна моя.
1884

Кукушка
Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.
Сердце! – вот утро – люби же
Всё, чем жило на веку;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Слышится ближе и ближе,
Как золотое, – ку-ку.
Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздаётся трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

17 мая 1886

«За горами, песками, морями...»
За горами, песками, морями –
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
Дремлют розы, не зная снегов.
Но красы истомленной молчанье
Там на всё налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
Призывает не петь, а дышать.
Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
С затаенною песнью своей?
И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зорю будить,
В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь и любить.

Апрель 1891

Дождливое лето
Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший – бури весть,
И в дальном колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.
Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.
Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косою, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

Конец 50-х годов

«Зреет рожь над жаркой нивой...»
Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 50 годов

Нежданный дождь
Всё тучки, тучки, а кругом
Всё сожжено, всё умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?
Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарю радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт, –
С небес нисходит жизнь влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное – благо.

Я – ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.

1866

«Ты видишь, за спиной косцов...»

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сияньи тонет дня светило,
И набежавших туч края

Стеклом горячим окаймил.

Уже подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью.

Какая тень и аромат
Плывут над меркнущею степью!

В душе смиренной уясни

Дыханье ночи непорочной

И до огней зари восточной

Под звездным пологом усни!

1864

«Как здесь свежо под липою густою...»

Как здесь свежо под липою густою –
Полдневный зной сюда не проникал,

И тысячи висящих надо мною

Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,

Колебляся, как будто дремлет он.

Так резко-сух снотворный и трескучий

Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,

Как дымкою подернуты слегка,

И, как мечты почившей природы,

Волнистые проходят облака.

1854

«Непогода – осень – куришь...»

Непогода – осень – куришь,

Куришь – всё как будто мало.

Хоть читал бы, – только чтение

Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,

И болтают нестерпимо

На стене часы стенные

Языком неумолимо.

Сердце стынет понемногу,

И у жаркого камина

Лезет в голову больную

Всё такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом

Остывающего чаю,

Слава богу, понемногу,

Будто вечер, засыпаю...

1847

Псовая охота

Последний сноп свезен с нагих полей,

По стоптанным гуляет жнивьям стадо,

И тянется станица журавлей

Над липником замолкнувшего сада.

Вчера зарей впервые у крыльца

Вечерний дождь звездами начал стынуть.

Пора седлать проворного донца

И звонкий рог за плечи перекинуть!

В поля! В поля! Там с зелени бугров

Охотников внимательные взоры

Натешатся на острова лесов

И пестрые лесные косогоры.

Уже давно, осыпавшись с вершин,

Осинников редеет глубь густая

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Над гулками извивами долин
И ждет рогов да заливного лая.
Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вот русак сверкнул из-под копыт,
Всё сорвалось – и заварилась каша:
«Отбей собак! Скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отозвался.
1858

«Ласточки пропали...»
Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.
С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.
Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч
1847

«Какая холодная осень!..»
Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.
Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.
1854

«Вот и летние дни убавляются...»
Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
Только зыблются кудри седые.
Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зарделось окошко.
Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, –
Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!
19 июня 1887

Осенняя роза
Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.
Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.
Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Ты очертаньем и дыханьем

Весною веешь на меня.

18 сентября 1885

«Задрожали листья, облетая...»

Задрожали листья, облетая,

Тучи неба закрыли красу,

С поля буря ворвавшись злая

Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,

В теплом гнездышке еле видна,

Светлогруда, легка, невеличка,

Не запугана бурей одна.

И грохочет громов переключка,

И шумящая мгла так черна...

Только ты, моя милая птичка,

В теплом гнездышке еле видна.

13 июля 1887

Сентябрьская роза

За вздохом утренним мороза,

Румянец уст приотворя,

Как странно улыбнулась роза

В день быстролетней сентября!

Перед порхающей синицей

В давно безлиственных кустах

Как дерзко выступать царицей

С приветом вешним на устах.

Расцвесь в надежде неуклонной –

С холодной разлучась грядой,

Прильнуть последней, опьяненной

К груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890

«Опять осенний блеск денницы...»

Опять осенний блеск денницы

Дрожит обманчивым огнем,

И уговор заводят птицы

Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой

Так радо сердце вновь зануть,

И в ночь краснеет лист кленовый,

Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»

На пажитях немых люблю в мороз трескучий

При свете солнечном я снега блеск колючий,

Леса под шапками иль в инее седом

Да речку звонкую под темно-синим льдом.

Как любят находить задумчивые взоры

Завейные рвы, навейные горы,

Былинки сонные среди нагих полей,

Где холм причудливый, как некий мавзолей,

Изваян полночью, – иль тучи вихрей дальных

На белых берегах и полыньях зеркальных.

1842, 1855

«Знаю я, что ты, малютка...»

Знаю я, что ты, малютка,

Лунной ночью не робка:

Я на снеге вижу утром

Легкий оттиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном

Холодна, тиха, ясна;

Правда, ты недаром, друг мой,

Покидаешь ложе сна:

Бриллианты в свете лунном,

Бриллианты в небесах,

Бриллианты на деревьях,

Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,

Как бы в вихре дух ночной

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Не заваял бы тропинку,
Проложенную тобой.

1842

«Вот утро севера – сонливое, скупое...»
Вот утро севера – сонливое, скупое –
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь – и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит – и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

1842

«Ветер злой, ветер крутой в поле...»

Ветер злой, ветер крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается,
При луне на версте мороз –
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.
Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

1847

«Печальная береза...»

Печальная береза
У моего окна,
И прихоть мороза
Разубрана она.
Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, –
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.
Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей

1842

«Кот поет, глаза прищуря...»

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

1842

«Чудная картина...»

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
1842

«Ночь светла, мороз сияет...»
Ночь светла, мороз сияет,
Выходи – снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость застегну я, –
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, – замолчу я,
И – пошел куда ни будь!

1847

«На двойном стекле узоры...»
На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;
Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня
Пред горящими дровами
Сядем – там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.
Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

1847

«Скрип шагов вдоль улиц белых...»
Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.
От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.
Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

1858

«Еще вчера, на солнце млея...»
Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.
Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.
Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо – всё одето
Каким-то тусклым серебром.
Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.
Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
1864

«Какая грусть! Конец аллеи...»
Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.
На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.
И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.
А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,
Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, –
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Начало 1862

У окна
К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась – и с тобой
Помчаться по равнине снежной.
Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.
Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.
Вдруг ты вошла – я всё узнал –
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как всё верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!

1871

«Мама! глянь-ка из окошка...»
Мама! глянь-ка из окошка –
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:

Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело –
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней –
Погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!

Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

9 декабря 1887

Когда я блестящий твой локон целую...
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»
Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет – и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.
Страшно припомнить душой оробелою:

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!
Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня – сгинь, пропади!

1842

«Полно смеяться! что это с вами?..»
«Полно смеяться! что это с вами?»
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».
«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закровов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.
Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
Только сердит».
– «Ну, а тебе что?» – «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы...
Что-то поют;
Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
Шут подшутил».

1842

«Ночь крещенская морозна...»
Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало – луна.
«Побегу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна».
– «Я, сестрица, за тобою
Не пойду – одна иди!»
– «Я с тобою, – за избою
Наводи да наводи!»
Ничего: пёс рябый ходит,
Вот и серый у ворот...
И красавица наводит –
И никак не наведет.
«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять...
Заструились, покачнулись,
Стало три опять.
Ну, захочет почудесить?
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять –
Чешуя как чешуя...
Вот одиннадцать – всё лица!
Вот собаки лай и вой...
Чур меня!..» – «Ну что, сестрица?»
– «Раскрасавец молодой!»

1842

«Помню я: старушка-няня...»
Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,
И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Обманул тебя расчет;
Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.
Что, – не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

1842

«Перекресток, где ракирка...»
Перекресток, где ракирка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрипит.
Кто-то крадется сторонкой,
Санки пробегут –
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»

1842

«Когда я блестящий твой локон целую...»
Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, –
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?
Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну –
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.
Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми –
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

1842

«Тихо ночью на степи...»
Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
Вечный – свят, свят, свят!
В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
За плечом молчит, –
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангел пролетит.

1847

«Весеннее небо глядится...»
Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.
Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.
Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.
Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.
Август 1844

«Я полон дум, когда, закрывши вежды...»
Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.
Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной –
И целый день, туманно ли, светло ли, –
Я всё с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сияньи дивном
На высоты,
И водомет в лобзаньи непрерывном, –
О, где же ты?
1842

«Младенческой ласки доступен мне лепет...»
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.
Скажу той звезде, что так ярко сияет, –
Давно не видались мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначащим оком:
– Ты смотришь мне в очи. Ты права: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
1847

«Не отходи от меня...»
Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...
Ближе друг к другу, чем мы, –
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить.
Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, –
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!
1842

«Тихая, звездная ночь...»
Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.
Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.
Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.
1842

«Буря на небе вечернем...»
Буря на небе вечернем
Моря сердитого шум –
Буря на море и думы,
Много мучительных дум –
Буря на море и думы,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Хор возрастающих дум –
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

1842

Notturmo

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь.
И стекол нет, и свищет вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющ растет, да устремляет очи
Полночная луна.

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор –

И слышатся на помосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

И грустную симфонию печали

Звучит во тьме орган...

То тихо всё, как будто вечно спали

И стены и орган.

1842

«Теплым ветром потянуло...»

Теплым ветром потянуло,

Смолк далекий гул,

Поле тусклое уснуло,

Гуртовщик уснул.

В загородке улеглись

И жуют волы,

Звезды частые зажглися

По навесу мглы.

Только выше всё всплывает

Месяц золотой,

Только стадо обегает

Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая

Тучка бросит тень...

Неподвижная, немая

Ночь светла, как день.

1842

«Если зимнее небо звездами горит...»

Если зимнее небо звездами горит

И мечтательно светит луна,

Предо мною твой образ, твой дивный скользит,

Словно ты из лучей создана.

И светла и легка, ты несешься туда...

Я гляжу и молю хоть следов.

И светла и легка – но зато ни следа;

Только грудь обуяет любовь.

И летел бы, летел за красою твоей –

И пускай в небе звезды горят

И быстрее и светлей мириады лучей

На пылинки ночные глядят.

1843

«Полуночные образы реют...»

Полуночные образы реют,

Блещут искрами ярко впотьмах,

Но глаза различить не умеют,

Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,

Как больной в утомительном сне,

И всплывают, и стонут, и тонут –

Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,

Как духов испугавшийся пес;

То нахлынут, то бездну откроют,

Как волна обнажает утес.

1843

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

«Я долго стоял неподвижно...»

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...
1843

«Шумела полночная вьюга...»

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валезник свистал на огне.
И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце – ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!
Березы скрипят за стеною,
Сук еле трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!
1842

«Улыбка томительной скуки...»

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, –
Знать, вас не услышать мне дважды!
Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?
Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвеченный уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?
1844

Серенада

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, –
Спи, мое дитя.
Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, –
Спи, мое дитя.
Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, –
Спи, мое дитя.
1844

фантазия

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?
На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилища,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Над водой качается жар-птица;
Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.
Листья полны светлых насекомых,
Всё растёт и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.
Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще – и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.
Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
1847

«За кормю струйки вьются...»

За кормю струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.
Млечный Путь глядится в воду –
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу –
И луна бежит вослед.
Струйки вьются, песни льются,
Вторит эхо вдалеке,
И, дробясь, раздаются
Звуки «Нормы» вдалеке.
1844

«Недвижные очи, безумные очи...»

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшим,
Которого сердцу так жаль?
Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
Что было так щедро дано!
1846

1846

«Как мошки зарею...»

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.
Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.
Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!
11 августа 1844

«Спи – еще зарею...»

Спи – еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;
Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Звуки пролетели.
Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

1847

«Свеж и душист твой роскошный венок...»
Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.
Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, –
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.
Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

1847

«Давно ль под волшебные звуки...»
Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.
Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.
Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом.
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоем.

1842

«Снился берег мне скалистый...»
Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый, –
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.
Конец 1856 или начало 1857
Туманное утро
Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой, –
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!
И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей,
Росинка катится с листа, –
Пусть будет песнь твоя чиста.
Конец 1856 или начало 1857

Цветы

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.
Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Плодов румяных семена.
Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

1858

«Вчера я шел по зале освещенной...»
Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Неволью я поникнул головой.
И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различил едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.
Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы –
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»
И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

1858

«Всё вокруг и пестро так и шумно...»
Всё вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.
Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюсь я.

1856

Певице
Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.
О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом...
Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, –
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.
Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

1857

Бал
Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.
И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.
О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!
Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнью дыша,
В чужой восторг переселяться

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Заране учится душа?

1857

Anruf an die geliebte Бетховена
Пойми хоть раз тоскливое признание,
Хоть раз услышь души молящей стон!
Я пред тобой, прекрасное создание,
Безвестных сил дыханьем окрылен.
Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я, полон им, и млею, и дрожу,
И, без тебя томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, как счастьем, дорожу.
Ее пою, во прах упасть готовой.
Ты предо мной стоишь как божество –
И я блажен; я в каждой муке новой
Твоей красы предвижу торжество.

1857

«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...»
Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.
Я и думать забыл про холодную ночь, –
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалось прочь,
Будто искры в дыму улетело.
Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупое, лениво.
И лениво и скупое мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.
Но нахмурится ночь – разгорится костер,
И, вивясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

1859

«Свеча нагорела. Портреты в тени...»
Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.
Никак комара не прогонишь ты прочь, –
Поет и к свету всё просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.
Подкрался, быть может, и смотрит в окно?
Увидит мать – догадается;
Нет, верно, у старого клена давно
Стоит в тени, дожидается.

1862

«Нет, не жди ты песни страстной...»
Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки – бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.
Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Что сказалось в них – не знаю,
И не нужно мне.
Поздним летом в окна спальни
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
Никнет голова.

1858

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»
Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!
2 августа 1877

«Что ты, голубчик, задумчив сидишь...»
Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь – не слышишь, глядишь – не глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.
– Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до яву мне прожгло.
Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.
Начало 1875

«В дымке-невидимке.»
В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целует
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова неволью.
И тебе не томно?
И тебе не больно?
Апрель 1873

«Одна звезда меж всеми дышит...»
Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:
Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.
Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.
Чем мы горим, светить готово

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей.

1882

«Истрепались сосен мохнатые ветви от бури...»
Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень ручьями.
Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?
О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!
Конец 60-х гг.?

«Солнце ниже лучами в отвес...»
Солнце ниже лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!
Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»
Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.
В этой ночи, как в желаньях, всё беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.
Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

«Забудь меня, безумец исступленный...»
Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи.
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты призрак не люби!
О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стняя,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
Тем дальше от меня.
Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подымлет крик;
Он бросился – и с влаги возмущенной
Исчез серебристый лик.
Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.

1855

«Прежние звуки, с былым обаяньем...»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Всё, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!
Старые песни, знакомые звуки,
Сон, безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.
Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой! –
Доброю няней, прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!
Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное
И, как дитя в колыбели, уснет.
Конец 1862

Шопену

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки –
Ты еще со мной!
Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, –
И не нужно мне надежды:
Этот час – он мой!
Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепелось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, –
Я на всё, на всё иное
Отпылал, потух!
Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки –
Разорвется вдруг!

1882

«Как ясность безоблачной ночи...»
Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.
И всё, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным –
И люди, и звери, и скалы.
Лишь мне, молодая царица,
Ни счастья нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

1862

«Сны и тени...»

Сны и тени
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.
Только минем
Сумрак свода, –
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

Романс

Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня – эта песнь одна.
И пощим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалась тесна.
Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

1882

«Я видел твой млечный, младенческий волос...»
Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос –
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.
Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.

1884

«Только в мире и есть, что тенистый...»
Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

В лунном сиянии
Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!
Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.
Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

27 декабря 1885

На рассвете
Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жметя под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

1 апреля 1886

«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...»
Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, –
То кулик простонал или сын.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.
Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, –
И не нужно речей, ни огней, ни очей –
Мне дыхание скажет, где ты.

10 апреля 1887

«Я тебе ничего не скажу...»
Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

«Всё, как бывало, веселый, счастливый...»
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.
Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое всё по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.
Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, –
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 июля 1887

«Моего тот безумства желал, кто смежал...»
Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.
Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.
И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный – он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким лишь воском!

25 апреля 1887

«Сплю я. Тучки дружные...»

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные –
По полям грядой.
Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И – вдвойне светло.
Уж не тени мрачные, –

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.
Сплю я. Безотрадную
Тканью непроглядную
Тянутся мечты;
Вдруг сама, заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.

19 сентября 1887

«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвожь мне рыдать!

К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв всё на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, –

Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, – светила дневного
Боится крылатый певец? –

И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, –
И счастьем и песне конец.

4 ноября 1887

«Гаснет заря в забытьи, в полусне...»

Гаснет заря в забытьи, в полусне.

Что-то неясное шепчешь ты мне;

Ласки твои я расслушать хочу, –

«Знаю, ах, знаю», – тебе я шепчу.

В блеске, в румянном разливе огня,

Ты потонула, ушла от меня;

Я же, напрасной истомой горя, –

Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,

Сладко, летя за тобой, замирать...

Завтра, когда ты очнешься иной,

Свет не допустит меня за тобой.

29 декабря 1888

«Чужа внушенный другими ответ...»

Чужа внушенный другими ответ,

Тихий в глазах прочитал я запрет,

Но мне понятней еще говорит

Этот правдивый румянец ланит,

Этот цветов обмирающих зов,

Этот теней набегающий кров,

Этот предательский шепот ручья,

Этот рассыпчатый клич соловья.

30 января 1890

Во сне

Как вешний день, твой лик приснился снова, –

Знакомую приветствую красу,

И по волнам ласкающего слова

Я образ твой прелестный понесу.

Сомнений нет, неясной нет печали,

Всё высказать во сне умею я,

И мчит да мчит всё далее и дале

С тобою нас воздушная ладья.

Перед тобой с коленопреклоненьем

Стою, пленен волшебною игрой,

А за тобой – колеблемый движеньем,

Неясных звуков отстающий рой.

26 апреля 1890

«Запретили тебе выходить...»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.
Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней –
Это песня с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

7 июля 1890

«Я не знаю, не скажу я...»
Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я всё пою,
И задорное веселье
Ты, как легкое похмелье,
Проливаешь в песнь мою,
Иль – еще того чудесней –
За моей дрожащей песней
Таёт дум невольных мгла,
И за то ли, оттого ли
До томления, до боли
Ты приветливо светла?

11 декабря 1890

«Только месяц взошел...»
Только месяц взошел
После жаркого дня, –
Распустился, расцвел
Цвет в груди у меня.
Что за счастье – любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
Никому не видать!
Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад –
И повсюду ношу
Я цветка аромат.

11 февраля 1891

«Мы встретились вновь после долгой разлуки...»
Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.
Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!
Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы!

30 марта 1891

«Люби меня! Как только твой покорный...»
Люби меня! Как только твой покорный
Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
Живой ковер.
Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвеньем
Мы полетим!
И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты
Царить навек в дыханьи песнопенья
И красоты.

13 апреля 1891

Шепот, робкое дыханье...
«Что за вечер! А ручей...»
Что за вечер! А ручей

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!
Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.
Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, –
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.
Так-то всё весной живет!
В роще, в поле
Всё трепещет и поет
Поневоле.
Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, –
Придут с песнью на устах
Наши дети;
А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.
1847

«Долго еще прогорит Вespera скромная лампа...»
Долго еще прогорит Вespera скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
Тонкие змейки сребра блещут на влаге уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный землю покрыл.
1842

«Право, от полной души я благодарен соседу...»
Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь – под окном в клетке держать соловья
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы:
Только прощальным огнем озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна, –
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за головка у ней, за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан – загляденье! притом какая лукавая ножка!
Будто бы дразнит мелькая... Но вечер давно уж настал...
Что ж не поет соловей или что ж не выходит соседка?...
Может, сегодня мы все трое друг друга пойдем.
1842

«Я люблю многое, близкое сердцу...»
я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользнуть по заливу
Так – забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, –
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и поздней ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Всё громче и громче.
Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это – жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?
Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на небе ясном высоко сверкает зарница.
1842

«Вдали огонек за рекою...»
Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.
Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же весло, шевелись!
А берег во мраке пропал.
Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?..
1842

«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...»
Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всём чует прекрасного след.
1842

«Я жду... Соловьиное эхо...»
Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.
Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.
Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!
1842

«Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..»
Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я всё вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнет, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
1842

«Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всесильны...»

Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всесильны...

Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, –
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурой уст, с вольным размером любви.

1842

«Ночью как-то вольнее дышать мне...

Ночью как-то вольнее дышать мне,

Как-то просторней...

Даже в столице не тесно!

Окна растворишь:

Тихо и чутко

Плывет прохладительный воздух.

А небо? А месяц?

О, этот месяц-волшебник!

Как будто бы кровли

Покрыты зеркальным стеклом,

Шпили и кресты – бриллианты;

А там, за луной, небосклон

Чем дальше – светлей и прозрачней.

Смотришь – и дышишь,

И слышишь дыханье свое,

И бой отдаленных часов,

Да крик часового,

Да изредка стук колеса

Или пение вестника утра.

Вместе с зарею и сон налетает на вежды,

Светел, как призрак.

Голову клонит, – а жаль от окна оторваться!

1842

«Летний вечер тих и ясен...»

Летний вечер тих и ясен;

Посмотри, как дремлют ивы;

Запад неба бледно-красен,

И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,

Ветр ползет лесною высью.

Слышишь ржанье по долинам?

То табун несется рысью.

1847

«Шепот, робкое дыханье...»

Шепот, робкое дыханье,

Трели соловья,

Серебро и колыханье

Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,

Тени без конца,

Ряд волшебных изменений

Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,

Отблеск янтаря,

И лобзания, и слезы,

И заря, заря!..

1850

«На стоге сена ночью южной...»

На стоге сена ночью южной

Лицом ко тверди я лежал,

И хор светил, живой и дружный,

Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,

Безвестно уносилась прочь,

И я, как первый житель рая,

Один в лицо увидел ночь.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Я ль неся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

1857

«Заря прощается с землею...»
Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.
Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!
И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!
Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, –
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

1858

Колокольчик
Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.
Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?
Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

1859

«Молятся звезды, мерцают и рдеют...»
Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.
Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре –
Всё же безмолвно горят их молитвы.

1883

«Благовонная ночь, благодатная ночь...»
Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Всё бы слушал тебя – и молчать мне невмочь
В говорящей так ясно тиши.
Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
Не мигая, смотреть в этот сад.
А уж месяц, что всплыл над зубцами аллея
И в лицо прямо смотрит, – он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
И сверкает, и плещется ключ.
И меняется звуков отдельный удар;
Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
Напевая призывы любви.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Словно всё и горит и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
Поглядеть в серебристую ночь.
28 апреля 1887

«Сегодня все звезды так пышно...»

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.
Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?
Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 октября 1888

«От огней, от толпы беспощадной...»

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.
Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.
И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

7 февраля 1889

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ящик, звеня и не пыля.
Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни – и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.
За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел, и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.
Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.
Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

1854

Лихорадка

«Няня, что-то всё не сладко!

Дай-ка сахар мне да ром.

Всё как будто лихорадка,

Точно холоден наш дом».

– «Ах, родимый, бог с тобою:

Подойти нельзя к печам!

При себе всегда закрою,

Топим жарко – знаешь сам».

– «Ты бы шторку опустила...

Дай-ка книгу... Не хочу...

Ты намедни говорила,

Лихорадка... я шучу...»

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

– «Что за шутки спозаранок!

Уж поверь моим словам:

Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».

– «Верю, няня!.. Нет ли шубы?

Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы –
Лихорадка ли она?»

1847

Змей

Чуть вечерней росой

Осыпается трава,

Чешет косу, моет шею

Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка

С неба темного очей,

И летит, свиваясь в кольца,

В ярких искрах длинный змей.

И шумит всё ближе, ближе,

И над вдовьиным двором,

Над соломенной крышей

Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит

Чернобровая вдова;

Только слышатся в светлице

Поцелуи да слова.

1847

Видение

Не ночью, не лживо

Во сне пролетело виденье:

Свершилось диво –

Земле подобает смирение!

Прозрачные тучи

Над дикой Печерской горою

Сплывались в кучи

Под зыбью небес голубую,

И юноши в белом

Летали от края до края,

Прославленным телом

Очам умиленным сияя.

На тучах, высоко,

Всё выше, в сиянии славы,

Заметно для ока

Вставали Печерские главы.

1843

Геро и Леандр

Бледен лик твой, бледен, дева!

Средь упругих волн напева

Я люблю твой бледный лик.

Под окном на всём просторе

Только море – только в море

Волн кочующих родник.

Тихо. Море голубое

Взору жадному в покое

Каждый луч передает.

Что ж там в море – чья победа?

Иль в зыбях, вторая Леда,

Лебедь-бог к тебе плывет?

Не бессмертный, не бессонный,

Нет, то юноша влюбленный

Проложил отважный путь,

И, полна огнем желаний,

Волны взмахом крепкой длани

Молодая режет грудь.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветер летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.
Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всём просторе
Только море – только в море
Волн кочующий родник.
1847

Тайна

Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.
Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.
Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.
Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.
И, помню, стало мне вокруг
При нем всё так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.
Летели дни... промчался год...
Настал последний час –
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.
И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялась о нем
Кого-нибудь спросить.
Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».
И с этих пор – он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.
Все говорят, что яркий свет
Ланит моих – больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!
1842

Ворот

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, –
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.
Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Не спеши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!
Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».
– «Отчего же, няня, надо?»
– «Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.
Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.
Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт – и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;
А закрыта душка, спрячет
Душку ворот – мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.
Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распушу.
Уж подушку я крестила –
И тебя перекрещу».
1847

«На дворе не слышно вьюги...»
На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар.
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.
Няня старая не видит
И не слышит – всё прядет:
Мочку левую пощиплет,
Правой нитку отведет.
А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.
Вот задумалась няня,
Со свечи нагар сняла
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.
«Дай-ка ручки! – Няня хочет
Посмотреть на их черты. –
Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»
Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала – и плачет
Мальчик, глядя на нее.
1842

Легенда
Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.
«Разгуляйся в поле», – сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.
Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.
Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.
Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь поворотил.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился –
И махнул рукой.

1843

«Ночь весенней негой дышит...»
Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колыхает,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.
Долго будет утомленный
Спать с фетидой феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

1854

«Жди ясного на завтра дня...»
Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.
В заливе дремлют корабли, –
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли –
И к ним морская даль ушла.
Так робко набегают тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

1854

Морской залив
Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается шагом.
Третью уж ночь, миновав эту старую иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь к заливу.

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Только вдали, потухая за дымкою сизой,
Весь в ширину он серебряной светится ризой.
Спит он так тихо, что ухо, исполняясь вниманья,
Даже средь камней его не уловит дыханья.
В блеск этот душу уносит волшебная сила...
Что за слова мне она в эту ночь говорила!
Сколько в веселых речах прозвучало привета!
Сколько в них сердце почуяло неги и света!
Ах, что за ночь! Тише, конь мой! Куда торопиться?
Рад и сегодня я сном до зари не забыться!
1855

Вечер у взморья
Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.
Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.
1854

«Как хорош чуть мерцающим утром...»
Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрита, твой влажный венок!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!
Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.
Остров вырос над тенью зеленой;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.
1857

«Морская даль во мгле туманной...»
Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к побережью моему.
Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.
К ней чайка плавная спустилась, –
Не дрогнет острое крыло.
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;
Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту –
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.
1857

Прибой
Утесы. зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.
На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал;
И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

И преломленный и лазурный;
Но вот преграда – он кипит,
Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, всё страшен
Всею переиденной глубиной.

1856 или 1857

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычную стопю
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.
Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Когда невидимая сила

Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856 или 1857

Буря

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит –
То прянет, то отхлынет прочь.
Всё раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.
Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

После бури

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.
Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.
Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. –
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

1870

«Вчера расстались мы с тобой...

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. – Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.
И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
и вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.
А ныне – как моя душа,
Волна светла, – и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;

Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь... Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена
И задрожал весь хор небесный.
1864

Море и звезды

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалась бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалась звездной.
Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебную силою веяло в душу.
Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилось горе,
Как будто бы звезды тебя победили.
1859

«Качаяся, звезды мигали лучами...»

Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.
В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.
И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.
17 февраля 1891

«Барашков буря шлет своих...»

Барашков буря шлет своих,
Барашков белых в море,
Рядами ветер гонит их
И хлещет на просторе.
Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
Чернея, не вскипела!
Как жаль тебя! Но об одном
Подумать так обидно,
Что вот за мглю и дождем
Тебя не станет видно.
26 августа 1892

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!